

УДК 1/13

Значение хайдеггеровской критики новоевропейской субъективности для понимания кризиса философских оснований морали

Дороненко Ольга Евгеньевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Уральский федеральный университет,
620012, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: Ol'gadoronenko@gmail.com

Аннотация

Статья раскрывает содержание и значение критики М. Хайдеггером субъективных оснований новоевропейской культуры. С этой целью немецкий мыслитель анализирует смысл обоснования достоверности субъекта и субъективной позиции осмысления бытия как сущего в философии Р. Декарта. Толкование человека как субъекта, подмену истины достоверностью М. Хайдеггер оценивает как нигилизм, приводит философские и лингвистические обоснования такого истолкования. Также М. Хайдеггер раскрывает нигилистический смысл ценностных отношений и самой природы ценностей. На основе хайдеггеровских толкований в статье раскрываются нигилистические влияния идеи автономной субъективности на этические концепции новоевропейской философии. Автономия субъекта в практической философии приводит к обоснованию принципа автономии воли. Идея долженствования в новоевропейской философии также формируется во взаимодействии и на основании идеи автономной субъективности и посредством погружения в ценностный контекст. Все это создает условия кризиса идеи долженствования. Хайдеггеровский анализ декартовской философии устанавливает неразрывную связь и укорененность идей новоевропейской субъективности в процессах секуляризации культуры. Установление таких взаимосвязей сразу указывает на возможные нигилистические моральные последствия идеи автономного, в себе и для себя удостоверяющегося субъекта. Идея новоевропейской субъективности, отношение к человеку как к субъекту обоснована в исключительно рационалистической философии Р. Декарта, но по последствиям выходит далеко за пределы рационализма.

Для цитирования в научных исследованиях

Дороненко О.Е. Значение хайдеггеровской критики новоевропейской субъективности для понимания кризиса философских оснований морали // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 6А. С. 211-218.

Ключевые слова

Философия М. Хайдеггера, философия Р. Декарта, автономный субъект, субъективность, секуляризация, нигилизм, моральное долженствование, кризис морали, философское обоснование морали.

Введение

Современные философские дискуссии о кризисе морали в качестве ключевых его составляющих практически однозначно постулируют кризис субъекта морали и кризис идеи долженствования. Кризис субъекта морали связан и укоренен в более обширном кризисе метафизического субъекта, который символически именуется «смерть субъекта». Идея долженствования составляет саму сущность классически понятой философии морали, Регулятивная функция морали, без которой она бессмысленна, определяет практические ориентации нравственного учения и его императивный характер. В философии идея долженствования разрабатывается именно как *идея*, как концепт, соответственно, разрабатывается и обосновывается в соотношении с другими идеями, в целостном концептуальном содержании учения. По нашему убеждению, истоки кризиса классической философии морали надо искать в этом взаимодействии и даже взаимообращении идей. «Смерть субъекта» (о которой за пределами профессиональной философии может быть и не подозревают) практически проявляется в кризисе идеи долженствования, исходящей из философии, обоснованной в философских учениях. Одновременно отметим, что сама сфера долженствования в общественной жизни значительно шире, к ней относятся и право, и религиозное регулирование человеческих отношений и просто область обычаев повседневной жизни.

Разработанная философами «идея чистого добра», нравственного долга не принимается как регулятор поведения в сфере повседневной жизни и не признается таким регулятором уже и самими философами. Разработаны утилитаристская этика, эмотивистская этика и т.д. В неклассической философии признается, что нравственный поступок скорее импульсивен, эмерджентен. В последнем случае философия не конструирует основания (тем более умозрительные) нравственного поступка, а только описывает его совершение.

Цель статьи состоит в том, чтобы на основе хайдеггеровской критики субъективности показать, что в рамках новоевропейской философии деструктивно отрицательную роль сыграла идея автономного субъекта, основополагающая идея новоевропейской философии, само ее кредо. Идея нравственного долженствования теряет свою реальную регулятивную силу, в том числе, из-за симбиоза с идеей автономии субъекта в новоевропейской философии. Хайдеггеровская критика раскрывает нигилистический характер последней. В этом случае нигилистические последствия затрагивают все, взаимосвязанные с ней идеи.

Идея автономии субъекта в контексте секуляризации культуры

На почве критики новоевропейской субъективности вырастает сама хайдеггеровская философия как возвращение к вопросу о бытии. В его наследии есть работы, концентрированно представляющие критику субъективности. К ним, на наш взгляд, надо прежде всего отнести «Европейский нигилизм», «Слова Ницше «Бог мертв», «Письмо о гуманизме». Эти работы традиционно оценивались больше в историко-философском ключе и в рамках историко-философского подхода. Думается, что названные работы актуальны и для понимания кризиса философских оснований морали.

Примечательно, что ровно половина работы с названием «Европейский нигилизм», посвящена анализу декартовской позиции, а взглядам Ф. Ницше непосредственно посвящено менее половины работы и, как правило, в сравнении и на фоне анализа идей Р. Декарта.

Стереотипно, именно с именем Ф. Ницше связывают возникновение и распространение нигилизма, тем более нигилистической позиции относительно морали - переход «по ту сторону добра и зла». Углубленный хайдеггеровский анализ раскрывает метафизическую тайну нигилизма, скрытую в самих основаниях европейской метафизики - в философии Р. Декарта, и предопределяющую ее кризис. Хайдеггеровская аналитика позволяет, на наш взгляд, раскрыть основы не только «забвения бытия», но и многих других кризисных последствий европейской метафизики, в том числе, моральных и, даже по преимуществу, моральных.

Принципиально важно, что аналитика декартовского *cogito* осуществляется М. Хайдеггером не в рамках гносеологического подхода, а в стремлении раскрыть предельные основы всей новоевропейской философии, культуры, самого мирозерцания. Декартовский субъект понимается не как субъект науки или, шире, субъект познавательной деятельности, а как субъект культуротворческих процессов в целом. Можно утверждать, что М. Хайдеггер указывает на переформатирование всего культуротворчества. Именно поэтому, и в связи с проекцией на моральную проблематику, представляются важными следующие рассуждения М. Хайдеггера об устремлениях и доминантах культуры Нового времени. Он допускает истолкование «некоторых явлений» новоевропейской культуры как «секуляризации христианства». Приступая к анализу философии Р. Декарта как метафизической основы европейского нигилизма, М. Хайдеггер прямо отмечает, что в истоках последнего «...''освобождение'', в котором он (новоевропейский человек – О.Д.) развязывает себя от первоочередной обязательности библейско-христианской истины Откровения и церковного учения». [Хайдеггер, 1988, 267] Истолкование, казалось бы, общепринятое, но немецкий мыслитель допускает его на основе собственных аргументов. Специально отметим, что слово «освобождение» в данном контексте М. Хайдеггер берет в кавычки.

Обратим внимание на то, что немецкий мыслитель, в связи с допустимостью употребления данной расхожей характеристики, делает важнейшие замечания. Эти незначительные по объему замечания по существу могут быть поняты как важнейшая методологическая установка для понимания новоевропейской культуры и, соответственно, создаваемых в ней этических учений, производимой ею морали (именно производимой, потому что в новоевропейской культуре не опираются на устои, а полагают и пересоздают их). М. Хайдеггер раскрывает опасность непродуманного употребления понятий «секуляризация» и «обмирщение»: «По существу, однако, разговоры о «секуляризации» происходят от бездумия и заводят в тупик; ибо «секуляризация», «обмирщение» заранее предполагают мир, к которому двигалось бы и в который вступало бы обмирщаемое. Но *saeculum*, «мир сей», через который происходит обмирщение при пресловутой «секуляризации», не существует ведь сам по себе и не возникает сам собой просто при нашем выходе из христианского мира». [Хайдеггер, 1988, 270]. Расхожее употребление термина «секуляризация» как привычной характеристики культуры Нового времени, при понимании сущности процесса, погружает эту культуру в небытие: мирское, как выделенная сфера, внутри подлинно религиозной культуры не существует, тем более не существует внутри христианской культуры, которая по сути своей удерживается богочеловеческими смыслами: природа одухотворена актом творения, в человеке одухотворены и душа, и тело, история осуществляется в промысле божьем. В каком культурном пространстве может реализовать себя «секуляризация»? В «инобытии»? Не случайно этот термин стал популярным в Новое время. Последовательно логически (и онтологически!) можно либо быть, либо не быть и «нельзя одновременно быть и не быть», в данном случае, в отношении к культуре. Если понимать секуляризацию как инобытие, то это антимир, создаётся этот антимир

в стремлении к самодостаточной субъективности, посредством обоснования автономии субъекта. Хайдеггеровская критика позволяет раскрыть нигилистические основы процесса обоснования субъективности в культуре Нового времени.

Учитывая хайдеггеровское внимание к языку как хранителю смыслов подлинного бытия, заметим, что не только в церковнославянском, но и, в целом, в русском языке до реформы 1917 года слово *мир* как обозначение мирского писалось именно так – через *і* – для различия от «божьего мира» и «мира небесного». Такое различие не совпадает с категоричным противопоставлением мирского и сакрального как трансцендентного, как оно сложилось в западной схоластике и влияло на формирование новоевропейского мировоззрения. То, что существует вокруг человека, то, с чем встречается человек, может содержать в себе и те, и другие смыслы. Фактически, русское слово *мир* всегда, до всякой немецкой классической философии, содержало в себе указание на инобытие и даже саму концепцию инобытия – *мир* «отпавший», отпавший от осуществления своего бытия посредством взаимосвязи (энергии) с Богом, а, значит, стремящийся к небытию, т.е. в новоевропейской лексике – нигилистический. В философии М. Хайдеггера главный упрек всей новоевропейской философии – «забвение бытия». Внутри русской культуры тенденций к секуляризации по западному типу не возникало.

Нигилистические основы новоевропейской культуры были хорошо замаскированы требованием декартовской достоверности. Перспективность хайдеггеровского анализа в том, что он раскрывает нигилистические основы самого декартовского требования достоверности и именно только в этом аспекте считает возможным говорить о секуляризации: ориентация христианского человека на достоверность спасения и переживание достоверности Откровения как основы всех действий христианина, согласно М. Хайдеггеру косвенно способствовало возникновению требования достоверности в мышлении и культуре Нового времени.

Самоудостоверяющийся субъект в философии Р. Декарта как поворот к нигилизму

Поиск оснований посредством вопроса «что есть сущее» характерен для европейской мысли в целом, от ее истоков. М. Хайдеггер указывает на общепринятые лингвистические переводы древнегреческих слов, ставших для философии терминами, и дает принципиальное истолкование смысловых трансформаций словоупотребления в новоевропейской философии. Очевидный лингвистический факт: слово «субъект» вне новоевропейской культуры никогда не относилось к человеку. «Субъект» и «субстанция», слова, совпадающие по смыслу, являются латинским воспроизведением греческого – **το υποκειμενο** (*hupo-keimenon*) – подлежащее, т.е. лежащее в основании, то, к чему все отнесено. М. Хайдеггер указывает, что до Декарта и даже в начале метафизики Декарта «все *сущее* понималось как *sub-iectum*». «Subiectum по существу своего понятия есть то, что в каком-то исключительном смысле заранее всегда уже лежит в основании чего-то и таким образом служит ему основанием», более того, М. Хайдеггер в этих рассуждениях настаивает на том, что «из чистого понятия "субъекта" следует...исключить понятие "человек", а, тем самым и понятия «Я», «самость». Субъект, т.е. само по себе подлежащее — это камни, растения, звери ничуть не в меньшей мере, чем люди» [Хайдеггер, 1988, 266]. Освобождение от истин Откровения в сочетании с характерным и существенным для новоевропейской культуры требованием незыблемых (предельных) оснований происходит таким образом, что «человек входит в роль подлинного и единственного субъекта» [Хайдеггер, 1988, 266], т.е. основание всего сущего полагает в самом себе, «...человек полагает такую

достоверность, в силу которой и внутри которой он сам удостоверяется в себе как в сущем, опирающемся таким путем на самого себя» [Хайдеггер, 1988, 267].

Такое обоснование достоверности человека как субъекта происходит в разработке рационалистического метода Декарта «как пути на котором самим человеком и для человека отыскивается абсолютно достоверная и надежная опора...» [Хайдеггер, 1988, 266]. Посредством характерного для немецкого мыслителя внимательного лингвистического и философского анализа терминов *cogito, cogitare, cogitatio, percipio*, он делает ключевые и программные для его собственной философии выводы о том, что «для Декарта бытийность означает представленность субъектом и для субъекта», истина означает «достоверность представляющего и удостоверяющее само себя представление». [Хайдеггер, 1988, 291]. Знаменитый тезис *cogito ergo sum*, согласно М. Хайдеггеру, означает только то, что «представление, представившее в сущностном смысле само себя, полагает бытие как представленность, а истину как удостоверенность». [Хайдеггер, 1988, 283]. Достоверность новоевропейским человеком будет теперь раз и навсегда сводиться к самоудостоверению.

Моральные и мировоззренческие следствия нигилистического поворота

После декартовского поворота не только окружающий мир, но и все сущее и даже само бытие (если существование такой реальности допускается) будут определяться исходя из самого субъекта, а это означает антропоморфно. Горизонт понимания новоевропейского человека не расширяется, а сужается. Человек становится мерой не только чувственного, но и сверхчувственного мира. М. Хайдеггер это утверждает следующим образом: «Существо основоположности» определяется теперь исходя из существа «субъективности» и через нее». [Хайдеггер, 1988, 287].

Как «существо субъективности», «удостоверяющие полномочия субъективности» влияют на понимание процессов нравственного долженствования? Вершиной и своеобразным символом этики долга стала этика И. Канта. Символичность кантовской этики не следует сводить к возвышенному гуманистическому пафосу сформулированных им категорических императивов. Символически-репрезентативный характер этого учения в том, что именно в этике И. Канта реализована возможная полнота взаимосвязи двух основополагающих идей новоевропейской философии и, в целом, новоевропейской культуры: идеи автономии субъекта и идеи нравственного долженствования. Удостоверяющийся в себе субъект становится еще и волящим самому себе. Идея чистого добра также имеет основания в субъективности, интерсубъективна. В гносеологии И. Кант последовательно завершает Р. Декарта: идеи тотально субъективны, не имеют и не могут иметь никакой иной формы существования кроме соотнесенности с сознанием трансцендентального субъекта. Автономная воля основанием нравственного поступка имеет идею, мыслимую сами субъектом. Что мешает самодостаточной воле выйти за пределы разумного обоснования? Понимание воли как практического разума – всего лишь лексическое наследие западной схоластики. Для самого И. Канта такое определение принципиально и существенно. Он исходит из безусловного декартовского доверия разумности и разумному обоснованию поступка. Сохраняется декартовский подход и даже сама суть декартовского метода: разумное обосновывает самого себя как очевидное, абсолютно достоверное. Но самобытие воли, именно автономной воли, уже не требует определять ее посредством разума.

М. Хайдеггер раскрывает парадоксальные для многих картезианские основания

ницшеанской воли к власти. Метод, первоначально рационалистический, призванный обеспечить абсолютно достоверную опору для человека, открывает дорогу самообеспечивающей себя воле. М. Хайдеггер утверждает, что Ф. Ницше не принимает лишь сугубо рационалистическую основу процесса самоутверждения субъекта. По итогам декартовской метафизики субъект полагает себя как безусловное начало. Ницшеанскую философию М. Хайдеггер называет «метафизикой абсолютной субъективности воли к власти». В философии Ф. Ницше обнаруживает себя как явное прежде тайное стремление и интерес европейской метафизики «к обеспечению себе максимально свободного, всеобъемлющего, действенного подхода ко всему сущему» [Хайдеггер, 1988, 307]. Иными словами, абсолютным признается право на произвольное изменение и переформирование мира, это приводит к абсолютизации антропологического и антропоморфного понимания сущего, в дальнейшем, к произвольности этических построений. Сам М. Хайдеггер замечает, что возможный для него проект построения этики исходил бы из соотнесенности человека с бытием, «выступления в Бытие», а не из «возведения человека в средоточие сущего». Из соотнесенности человека с Бытием «неизбежно возникает потребность в общеобязательном нормировании...» [Хайдеггер, 1988, 347]. По существу, М. Хайдеггер указывает на поворот к традиционной религиозной этике, поскольку в современном мире только в ней остается признание выводимости нравственных норм из креационистски понятого бытия человека, обоснование блага как бытия.

Превращение бытия в ценность также трактуется М. Хайдеггером как нигилистический процесс. Ценности, как бы они не истолковывались в разных философских школах, в пределе – объективистски или субъективистски, всегда соотнесены с обозначенной сферой субъективности, производятся ею, необходимы как основания деятельности субъекта. Само право на деятельность является для новоевропейского человека уже несомненным. Вне соотношения с волей, не обязательно только по-ницшеански понятой, понятие ценности теряет смысл, лишается самого способа существования в форме ценности. Нигилистическими по природе своей являются не только процессы «переоценки ценностей» или устранения высших ценностей, но сам процесс полагания ценностей: «...мышление ценностями – это радикальное смертоубийство. Тут сущее как таковое забывают не только в его бытии, в себе, тут совершенно отбрасывают само бытие. Бытие – если только есть еще в нем надобность – может признаваться только лишь как ценность» [Хайдеггер, 1990, 172]. Возвышение бытия до уровня ценности – мнимое возвышение, поскольку тем самым бытие из реальности абсолютной и самодостаточной низводится до уровня лишь *условия* человеческой деятельности, в ницшеанской философии «до уровня условия, полагаемого самой же волей к власти». [Хайдеггер, 1990, 169]

Если конкретное философское или этическое учение соотносит понятие бытия с Богом, и называет Бога ценностью, то тем самым Бог низводится до сферы чисто человеческого истолкования мира и чисто человеческих манипуляций с миром. «...Бог, сущее из сущего унижается до высшей ценности» [Хайдеггер, 1990, 170]. Забвение бытия и нигилистический характер превращения бытия в ценность в хайдеггеровской философии и на хайдеггеровском языке есть истолкование разрушительных последствий игнорирования или намеренного разрушения принципа единства бытия и блага. Вне последовательного осуществления этого принципа религиозная философия становится уже псевдорелигиозной, а религиозная этика совершает подмену своих оснований. Этика, которая стремится быть исключительно светской по своему происхождению, погружается в стихию неопределенности, признает лишь стихийный «эмерджентный» (З. Бауман) характер поступка. Моральный консенсус (Ю.

Хабермас) или солидарность на основе воображения (Р. Рорти) столь же трудно достижимы, как и идея чистого добра. Разработка всех этих теорий остается в сфере чисто теоретического обоснования этики: моральный консенсус, солидарность это такие же *идеи*, как идея чистого добра. Неизбежность и границы теоретического обоснования определяются еще и тем, что все эти концепции остаются в проанализированной М. Хайдеггером сфере субъективности как сфере самополагающего и самоуверяющего себя субъекта. Последний прозорливо заметил, что сами субъекты новоевропейской культуры «принимают субъективизм за нечто само собой разумеющееся» [Хайдеггер, 1988, 268].

Одновременно сфера самодостаточной субъективности вышла далеко за рамки академической философии. Но, на наш взгляд, совершен поворот в пользу признания субъектом (самоуверяющим себя основанием) любой формы индивидуального существования. Право на самоидентификацию по гендерным признакам, например, в целом ряде западных стран объявляется незыблемым, утверждается с категоричностью юридической нормы, но не имеет за собой морального консенсуса.

Заключение

Хайдеггеровский анализ декартовской философии устанавливает неразрывную связь и укорененность идей новоевропейской субъективности в процессах секуляризации культуры. Установление таких взаимосвязей сразу указывает на возможные нигилистические моральные последствия идеи автономного, в себе и для себя удостоверяющегося субъекта.

Идея новоевропейской субъективности, отношение к человеку как к субъекту обоснована в исключительно рационалистической философии Р. Декарта, но по последствиям выходит далеко за пределы рационализма.

Автономия рационально удостоверившегося в себе субъекта в практической философии приводит к обоснованию автономии воли. В этике И. Канта автономия воли осуществляется в связи с рационально понятой идеей чистого добра и неотделима от идеи долженствования. В дальнейшем сфера субъективности не ограничивается сферой рациональности и не связывает себя рационально обоснованной сферой долженствования. Уже обоснованная и принимающая себя за единственную достоверность субъективность трансформируется в самопроизвольную, не знающую никаких ограничений самоутверждающуюся волю.

В целом, и по теоретическим, и по практическим последствиям обсуждаемых проблем следует признать, что-либо единственным нормативным регулятором является право с его формально юридической обязательностью (в этом случае все равно остается открытым вопрос о том, каково содержание, в том числе этическое, нормы, возводимой в ранг правовой), либо надо искать оснований этики вне новоевропейской субъективности. Преодоление нигилистических последствий возможно только как преодоление нигилистических оснований.

Библиография

1. Хайдеггер М. Европейский нигилизм (пер. В. Бибихина) // Проблема человека в Западной философии. М.: Прогресс, 1988. 552 с.
2. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме (пер. В. Бибихина) // Проблема человека в Западной философии. М.: Прогресс, 1988. 552 с.
3. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» (пер. А. Михайлова) // Вопросы философии. 1990, №7, с. 143-176.

The importance of the Heidegger`s criticism of the idea of subjectivity in the modern European philosophy for understanding the crisis of the philosophical foundations of morality

Ol'ga E. Doronenko

PhD in Philosophy, Senior Lecturer,
Ural Federal University,
620012, 19 Mira st., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: Ol'gadoronenko@gmail.com

Abstract

This scientific research reveals the content and significance of M. Heidegger's criticism of the subjective foundations of the new European culture. This prominent philosopher analyzes the meaning of substantiating the authenticity of the subject and the subjective position of comprehending being as being in the philosophy of R. Descartes. The interpretation of man as a subject, the substitution of truth by certainty M. Heidegger assesses as nihilism. M. Heidegger also reveals the nihilistic meaning of value relations and the very nature of values. On the basis of Heideggerian interpretations, the article reveals the nihilistic influences of the idea of autonomous subjectivity on the ethical concepts of the New European philosophy. The autonomy of the subject in practical philosophy leads to the justification of the principle of autonomy of the will. The idea of necessity in the New European philosophy is also formed in interaction and on the basis of the idea of autonomous subjectivity and by immersion in the value context. All this creates the conditions for the crisis of the idea of obligation. Heidegger's analysis of Cartesian philosophy establishes an indissoluble connection and rootedness of the ideas of the New European subjectivity in the processes of secularization of culture.

For citation

Doronenko O.E. (2017) Znachenie khaideggerovskoi kritiki novoevropeskoi sub"ektivnosti dlya ponimaniya krizisa filosofskikh osnovanii morali [The importance of the Heidegger`s criticism of the idea of subjectivity in the modern European philosophy for understanding the crisis of the philosophical foundations of morality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (6A), pp. 211-218.

Keywords

Philosophy of M. Heidegger, philosophy of R. Descartes, autonomous subject, subjectivity, secularization, nihilism, moral obligation, moral crisis. philosophical substantiation of morality.

References

1. Heidegger M. (1988) Evropeiskii nihilizm [European Nihilism]. In: *Problema cheloveka v Zapadnoi filosofii* [The problem of man in Western philosophy]. Moscow: Progress Publ.
2. Heidegger M. (1988) Pismo o gumanizme [Letter on humanism]. In: *Problema cheloveka v Zapadnoi filosofii* [The problem of man in Western philosophy]. Moscow: Progress Publ.
3. Heidegger M. (1990) Slova Nitsche «Bog mertv» [Words of Nietzsche "God is dead"]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 7, pp. 143-176.